

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)

ИМПЕРАТОР И КНЯЗЬ: ВИЗАНТИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Т. М. ПЕНСКАЯ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: penskaya@bsu.edu.ru*

Данная статья посвящена проблемам византийско-русской культурно-исторической преемственности. Объектом научного анализа стал вопрос о характере перенимания на Руси византийской политической теории. В качестве примера автором был взят один из важнейших аспектов этой теории – образ верховной власти. Автором была показана сложность и неоднозначность византийской концепции, которая не могла быть полностью скопирована на Руси из-за особенностей процесса формирования древнерусской государственности. В конце статьи автор приходит к выводу, что византийская концепция верховной власти была заимствована на Руси частично, лишь в той ее части, что соответствовала реалиям русской политической жизни.

Ключевые слова: Византия, Древняя Русь, политическая идеология, русско-византийские культурно-исторические связи.

В литературе, в особенности научно-популярной и популярной, давно уже стало общим местом указание на то, что византийская культура оказала колоссальное воздействие на формирование и последующее развитие культуры на Руси и в России¹. В том, что это влияние существовало, и что оно действительно сыграло значительное воздействие на русский культурно-исторический процесс, сомнений нет. Как отмечал Б.А. Успенский, «Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру. Сперва это была ориентация на Византию, затем – на Запад. Реформы Владимира Святого, ознаменовавшие приобщение Руси к византийской цивилизации, и реформы Петра I, декларировавшие приобщение России к цивилизации западноевропейской, обнаруживали принципиальное сходство; реформы эти, в сущности, аналогич-

¹ О существовании определенной преемственности византийской и древнерусской культур см., например: Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 73 сл.; Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973; Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 295 сл. и др.

ны по характеру – меняется лишь культурный ориентир. В одном случае провозглашается принцип «ex Oriente lux», в другом – «ex Occidente lux», однако в обоих случаях **ценности задаются извне, и это с необходимостью предполагает сознательное усвоение чужих культурных моделей и концептуальных схем** (выделено нами – П.Т.)...»².

Ориентация Древней Руси на византийский образец вполне объяснима. В глазах окружающего варварского мира Византия долгое время являлась законной преемницей Римской империи, *Rex Romana*, образ и идеалы которой оказывали серьезное воздействие на Запад и Восток в течение всего Средневековья. Отсюда и особый пиетет перед Византией, который испытывали варвары. Нельзя не согласиться с мнением Г.Г. Литаврина, который отмечал, что «...древняя империя (особенно ее блистательная столица) влекла к себе как гигантский магнит чужеземцев-современников, и она же отвращала их своей надменностью, неискренностью и скрытым коварством своей дипломатии. Ее история была овеяна легендами, а культура пользовалась всеобщим признанием. Ее могли ненавидеть, но не могли в то же время не уважать ее и не восхищаться ею...»³. В глазах варваров сила Империи долгое время казалась несокрушимой, а сама она представляла перед ними как образцовое государство и общество. И тогда становится понятным, почему, по словам отечественного медиевиста З.В. Удальцовой, «...вплоть до создания на Западе империи Карла Великого варварские королевства – пусть номинально – признавали верховную власть константинопольского императора; варварские короли почитали за честь получать от него высшие имперские титулы и пышные инсигнии своей власти, при дворах западных правителей чеканили монеты, имитирующие византийские солиды. Долгое время многие правители Юго-Восточной и Западной Европы стремились подражать обычаям и нравам византийского двора, использовать систему византийского государственного управления и дипломатии в качестве образца при создании административного аппарата в своих странах»⁴. И, конечно же, Древняя Русь тоже не могла не поддаться неодолимому «византийскому» искушению, тем более что и сами византийцы прилагали к этому все возможные усилия.

Однако, соглашаясь с тем, что византийская культурная традиция оказала большое влияние на становление древнерусской, тем не менее зададимся вопросом – а каким было это влияние, насколько точно воспроизвели древние русичи византийскую модель, имеет ли смысл говорить о «трансплантации» греческого образца (как полагал академик Д.С. Лихачев)? На первый взгляд, ответ очевиден. В самом деле, ведь вместе с христианством на Русь неизбежно должен был проникнуть и весь комплекс идей, касавшихся различных сторон жизни православного общества. И логично было бы предположить, что, многократно перечитывая византийские тексты⁵, русские книжники неизбежно должны были проникнуться византийским восприятием окружающей действительности, и тем самым способствовать пресловутой «трансплантации» византийской модели на русскую почву.

Но это сознательное усвоение чужих ценностей, в чем сомневаться не приходится, носило ли оно характер слепого копирования? Или же на Руси подошли к нему избирательно? Б.А. Успенский в одной из своих работ отмечал, что русичи, получив

² Успенский Б.А. Царь и патриарх. М., 1998. С. 5.

³ Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в VII – XII вв. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 2001. С. 46.

⁴ История Европы. Т. 2. М., 1992. С. 98.

⁵ Как отмечал Ю.М. Лотман, «чтение» в средневековом значении – это не количественное накопление прочитанных текстов, а углубление в один, многократное и повторное его переживание. Именно таким путем совершается восхождение от части (текста) к целому (истине)...» (Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI – XIX веков // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб., 2002. С. 161).

византийскую систему ценностей в готовом виде, восприняли лишь ее внешнюю оболочку, форму, ритуал, наполнив их новым содержанием и новыми смыслами⁶. Так ли это? Попытаемся рассмотреть эту проблему на одном, но очень важном примере – как была воспринята на Руси византийская модель верховной власти?

И снова ответ как будто напрашивается сам собой. Ведь приняв в X в. византийское православие, русичи взяли вместе с ним и византийскую религиозно-политическую доктрину. Как отмечал отечественный византинист Г.Г. Литаврин, «...официальная государственная доктрина на Руси, как и в самой империи и других «православных» государствах юго-востока Европы и Кавказа, опиралась на учение восточнохристианской церкви... Неофиты не могли воспринять византийскую религиозную доктрину частично или в модифицированном виде. Они должны были усвоить ее целиком, вместе с учением о верховной государственной власти, которое сохранилось в ней как ее неотъемлемый атрибут...»⁷. Исходя из этого, можно сделать вывод, что на Руси, усвоив **целиком** византийскую религиозно-политическую доктрину, точно также **целиком** (выделено нами – П.Т.) должны были усвоить и византийский взгляд на императора и характер его власти. Как же в таком случае сочетать тезисы, обозначенные Б.А. Успенским и Г.Г. Литавриным?

Для начала кратко охарактеризуем византийскую модель верховной власти. В ее основе лежало уходящее корнями во времена эллинизма представление о верховном правителе как о «божественном муже» (θεῖος ἀνὴρ). Переработанная византийскими книжниками в христианском духе, оно, по словам британского византиниста С. Рансимена, выглядела следующим образом: «Царь – не Бог среди людей, но наместник Бога. Он не является воплотившимся логосом, но он стоит в особых отношениях с логосом. Его особенно избрал Бог, он вдохновляется Богом, он друг Божий, он толкователь Слова Божия»⁸. Василевс теперь выступал не как живой бог, а как «избранник Господа», его посланник, заместитель (ὑπαρχος), исполнитель божественных предначертаний. «Бог – Пантократор («Вседержитель») – глава и небесного и земного порядка, император – космократор – властитель в земных делах...» – так характеризовал Г.Л. Курбатов главную идею византийской политической доктрины⁹. «Замещающая» Господа, василевс рассматривался в византийской традиции как хранитель установленного Богом идеального мирового порядка, воплощенного в византийском государственном и общественном устройстве. Наконец, по словам Г.Л. Курбатова, василевс являлся не только главой государства христиан, но и всей христианской ойкумены, защитником всех христиан вне зависимости от того, где они проживали.

Для того, чтобы наилучшим образом выполнить это свое божественное предназначение, император наделялся огромной светской и отчасти духовной властью. В его руках концентрировались все нити законодательной, судебной и исполнительной власти, он руководил внешней политикой, армией и флотом, назначал и смещал чиновников всех рангов и уровней, вводил и отменял налоги, ведал внешней политикой. Авторитет императора, его богоизбранность, сакральный характер его власти подчеркивались сложным церемониалом и утонченным придворным этикетом, призванным возвысить личность верховного правителя «ромеев» над любым из простых смертных, от последнего крестьянина и до самого знатного из сановников¹⁰.

⁶ Успенский Б.А. Царь и патриарх. С. 5-7. На избирательный характер усвоения русичами византийских ценностей и идеалов указывал, в частности и В.М. Живов (См., например: Живов С.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси... С. 74, 82-83, 93).

⁷ Литаврин Г.Г. Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 471.

⁸ Рансимен С. Византийская теократия // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 153.

⁹ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. Л., 1991. С. 44.

¹⁰ См., например: Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 117.

Такова была «внешняя» форма византийской концепции верховной власти. Однако у нее была и «внутренняя» сторона, делавшая ее неоднозначной и противоречивой. Император одновременно был и господином, *dominus*’ом, и рабом, причем рабом не только Господа, как и самый последний из его подданных, но и рабом Традиции, преступить которую он был не вправе, если он хотел соответствовать идеальному образу Императора¹¹.

Во многом это было связано с тем, что власть императора опиралась на внушительный полицейско-бюрократический, судебный и военный аппарат, чрезвычайно развитое и детально разработанное законодательство, изощренную фискальную систему. Образно говоря, империя представляла собой чрезвычайно формализованную, безжизненную, неодоухотворенную машину, настоящего Левиафана, в котором не было место конкретному человеку. Ценность представляла не человек сам по себе, а та социальная роль, тот символ, который он олицетворял. Это касалось не только подданных императора, но и его самого. В политической доктрине империи василевс выступал не как конкретный человек, а как символ высшей власти, «Император»¹². И если императорская власть была краеугольным камнем всего Византийского государства, то каждый отдельный василевс выступал фактически лишь как безличное орудие Божественного провидения, и его индивидуальность фактически не имела значения¹³.

Не стоит забывать также и о том, что сама по себе концепция верховной власти в Византии носила многослойный характер и представляла сложное переплетение не только иудеохристианской традиции, но и традиций, уходивших корнями в далекое индоевропейское прошлое. Анализ византийской политической теории и практики позволяет утверждать, что византийская политическая модель верховной власти включала в себя и гомеровский идеал общественно-политического устройства, который, говоря словами отечественного эллиниста Ю.А. Андреева, может быть выражен как некий «общественный договор», заключенный между вождями, получившими свою власть от богов¹⁴, и «народом». Основой этого «договора» являлась «...гармония взаимоуравновешивающихся интересов народа и «вождей». «Вожди» защищают народ и поддерживают среди него добрые обычаи и справедливость. Народ платит им за это дарами, почестями и повиновением...»¹⁵.

И эта двойственная, противоречивая византийская модель верховной власти попала в Древнюю Русь. В том, что древнерусские книжники были осведомлены об основных положениях ее «формы», сомнений нет. Достаточно привести лишь несколько характерных примеров. Так, митрополит Илларион в своем «Слове о законе и благодати» сравнивал Владимира с императором Константином и подчеркивал божественный характер власти его сына Ярослава¹⁶. Но и это еще не все. Тот же Илларион именовал Владимира самодержцем земли своей, а неизвестный автор «Повести временных лет» его сына Ярослава назвал «самовластцем»¹⁷. Как отмечал Г.Г. Литаврин, эти термины были прямыми кальками византийских императорских титулов «автократор» и «монократор»¹⁸. Неоднократно встречается и наименование

¹¹ См., например: Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 119.

¹² Там же.

¹³ См., например: Аверинцев С.С. Другой Рим. СПб., 2005. С. 336-337; Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке. Т. 1. СПб., 2004. С. 257.

¹⁴ См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 261, 263.

¹⁵ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб., 2003. С. 176.

¹⁶ «...Сын твой Георгий, которого соделал Господь преемником власти твоей по тебе (выделено нами – П.Т.)», – указывал Илларион (Илларион. О законе, данном через Моисея, и о благодати и истине, явленной Иисусом Христом, и о том, как закон миновал, а благодать и истина наполнила всю землю и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского; и похвала великому кагану нашему; Владимиру, которым мы были крещены; и молитва к Богу от всей земли нашей (далее Слово) // Златоуструй. Древняя Русь X – XIII вв. М., 1990. С. 120).

¹⁷ Слово. С. 116; Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 66; ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стб. 150.

¹⁸ Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 473.

древнерусских князей «царями»¹⁹, знакомы древнерусские книжники и с учением монаха Агапита²⁰. И учение о симфонии как сотрудничестве двух властей, светской и духовной, также было известно на Руси²¹. Даже если сравнить чеканные изображения князя Владимира Святославича на его монетах с аналогичными византийскими, то и здесь можно найти явные черты сходства.

Но насколько эта «форма» соответствовала реальному «содержанию», тем более что и в самой Византии между «формой» и «содержанием» имелись серьезные расхождения? И здесь, прежде всего, необходимо отметить на вопрос – а в чем заключались отличия государства Древнерусского от Византийской империи? В том, что они имелись, сомневаться не приходится хотя бы по той простой причине, что византийцы по праву именовали себя ромеями-римлянами и относили начало своей государственности ко временам императора Константина Великого. Как справедливо замечал С.С. Аверинцев, византийцы были искренне убеждены в том, что их государство, «...по критериям собственного самосознания, внутри этого самосознания достаточно логичным, связным и убедительным, не то что первое в мире, а единственное в мире... Критериев всего три: во-первых, это правильно – православно – исповедуемая христианская вера; во-вторых, это высокоцивилизованный стиль государственной и дипломатической практики, дополняемый литературной и философской культурой античного типа; в-третьих, это законное преемство по отношению к христианскому имперскому Риму Константина Великого». Эти три критерия, продолжал он, полностью отменяли все претензии не то что на первенство, но даже на равенство с Византией всех прочих государств, также претендовавших на имперский статус – будь то арабский Халифат или государство Карла Великого»²².

Из этих трех критериев русские книжники могли полагать приложимым к Русской земле только один, вероисповедальный, и то относительно, ибо на Руси всегда признавали несомненный авторитет «Греческой земли» в вопросах веры. Ни преемством от «ветхого Рима», ни устоявшейся государственной и культурной традицией Русь не обладала. Государственная машина и политические институты Византии, насчитывавшие несколько сотен лет, выглядели намного более внушительными, нежели древнерусские, которые находились в процессе становления. Конечно, формально, как и Византия, Древнерусское государство было монархией, но это было только внешнее сходство.

Древнерусская монархия, подобно всем остальным раннесредневековым варварским монархиям, представляло собой рыхлое, непрочное образование. Как справедливо писал Н.Ф. Котляр, «для европейских государств эпохи раннего средневековья были вообще характерны хрупкость структуры, слабость и спорадичность внутренних связей, а также недостаточная организация власти..., незначительная консолидированность...»²³. Эта рыхлость, отсутствие привычных для византийских василевсов инструментов власти обуславливала иной характер власти киевских князей и накладывала свой отпечаток и на их личность, и на их политику. Конечно, можно было назвать Владимира Святославича или Ярослава Владимировича «самодержцем» или «самовластцем», но становилась ли от этого власть киевского князя подобной власти византийского василевса? Да и можно ли было полагать киевского князя подлинным «автократором», если за его спиной не было ни бюрократии, ни отла-

¹⁹ См.: Вводов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 506-542.

²⁰ В сочинении, преподнесенном императору Юстиниану, диакон храма св. Софии Агапит писал, что «существом тела царь равен всем людям, а властью своего сана подобен владыке всего, Богу. На земле он не имеет высшего над собою...» (Цит. по: Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 2. 518-602 годы. СПб., 2003. С. 39). Ср. с пассажем из летописной «Повести о оубьеньи Андрееве»: «...еством бо земным подобен есть всякому человеку царь, властью же сана яко Бог...» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 370).

²¹ Слово. С. 119.

²² Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 321.

²³ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 71. Типичным образцом такого государства может служить раннесредневековая Англия, в частности «империя» Кнута Великого (См., например: Горелов М.М. Датское и норманское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007).

женной судебной и налоговой системы и прочих атрибутов высокоразвитой государственности? Даже монархический характер власти киевского князя, особенно на ранних этапах развития Древнерусской государственности, и тот вызывает сомнения. Как отмечал А.В. Назаренко, «...главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы, был взгляд на государство как на патримоний – **семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей наследников**. Если наследников было несколько, то возникало так называемое *corpus fratrum* – так или иначе организованное братское **совладение** тем, что можно было бы с известной степенью условности назвать «государством»... **Наиболее последовательно этот порядок, вытекающий из устройства архаического династически-родового сознания, был реализован** в государстве франков и на Руси, где приобрел самые развитые и дифференцированные формы (выделено нами – П.Т.)...»²⁴.

В этих условиях резко возрастала, в сравнение с Византией, роль личности князя в политической жизни государства и общества. Ведь если речь шла о патримониальном владении всей «Русской землей», причем к управлению ею привлекались также боярство, дружина, «лучшие» люди от земли, епископат (во всяком случае, идеальный князь в представлении древнерусских книжников должен был обязательно иметь совет и с епископами²⁵), то тогда от умения князя найти верный подход ко всем этим влиятельным политическим силам в еще большей степени, чем в Византии, зависела и успешность, и длительность его правления.

Такая особенность политического развития вовсе не была особенностью единственно Древней Руси, а являлась характерной чертой политической жизни практически всех раннесредневековых варварских королевств. Как писал М.М. Горелов, анализируя опыт государственного строительства в донорманнской Англии, «...**раннесредневековые государства с их неразвитым аппаратом управления** основывались в значительной мере **на личном авторитете и личных связях короля и прочих носителей власти**, в том числе назначаемых им на места (выделено нами – П.Т.)...»²⁶. И в правильности этого замечания убеждает судьба Англии при преемниках англосаксонского короля Альфреда Великого – если в Византии недееспособность императора отчасти могла быть компенсирована мощью всего государственного аппарата, то в варварских государствах раннего Средневековья, к которым относилась и Древняя Русь – нет²⁷.

И такое положение сохранялось еще на протяжении нескольких столетий. Как отмечал отечественный исследователь Д. Уваров, характеризуя отношения короля и его вассалов во Франции в первой половине XIV в., «...власть средневекового короля была следствием «добровольного соглашения» феодалов и держалась лишь до тех пор, пока большинство ее признавало хотя бы пассивно, а меньшинство готово было поддержать активно, по приказу короля расправляясь с каждым из ослушников. Когда король принадлежал к утвердившейся династии и его авторитет носил «сакральный», безусловно признанный характер, столь же безусловно признавалось и его право на исполнение его приказов подданными, от простолюдина до герцога. Это теоретическое право превращалось в практическое, когда король обладал и **личным авторитетом, твердым характером, опытом, знанием феодального права, взаимоотношений между вассалами и умением находить нужный тон с ними** (выделено нами – П.Т.)...»²⁸. Все это, на наш взгляд, вполне приложимо к Ки-

²⁴ Назаренко А.В. Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 7.

²⁵ См., например: ПСРЛ. Т. I. Стб. 216. Князь Всеволод Ярославич «...бе издетьска боголюбив, любя правду, набдя оубогыя, въздая честь епископом и презвутером, излиха же любяше черноризци и подающе требованье им...».

²⁶ Горелов М.М. Указ. соч. С. 69.

²⁷ См.: Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007. С. 51-54 и далее.

²⁸ Уваров Д. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337-1347 гг.) // Воин. 2003. № 14. С. 32.

евской Руси с той лишь поправкой, что сакральность киевских князей, в особенности первых, носила более архаичный, нежели во Франции эпохи последних Капетингов и тем более в Византии, характер²⁹. Достаточно указать на казнь князя Игоря древлянами, которые отнюдь не считали, что совершили святотатство, подняв руку на наместника Бога на земле, или на поразивший византийского историка Льва Диакона, привыкшего к пышному византийскому придворному церемониалу, облик Святослава Игоревича (*Leo Diaconus*. IX.11). Все это позволяет нам выразить сомнение относительно выдвинутого в свое время академиком Б.А. Рыбаковым тезиса о том, что Древнерусское государство времен Владимира, Ярослава и их преемников было «автократической монархией»³⁰.

Идеальный князь, с точки зрения древнерусских книжников – князь не только боголюбивый и христоролюбивый, но и муж справедливый, пекущийся о благе своих подданных, церкви, немало сил отдающий благотворительности и поддержанию справедливости и законности, которые понимались прежде всего как сохранение межкняжеских договоров, обязательств перед «землей», своим окружением и другими князьями, заботящийся о сохранении согласия с верхушкой «земли» на реализацию своих властных полномочий³¹.

Таким образом, можно сказать, что, восприняв внешнюю «форму» византийской политической теории и ее терминологию, древнерусские книжники взяли на вооружение только ту ее часть, что касалась «гомеровского» общественного договора как в наибольшей степени соответствовавшей политическим реалиям молодого Древнерусского государства и общества. Примечательно, что попытка князя Андрея Боголюбского реализовать на практике другую, «автократическую» или «самовластную», часть византийской доктрины, встретила осуждение в обществе³². И эта «гомеровская» традиция сохранялась на Руси долго – и в конце XIV в. требования к князю оставались теми же, что и в начале XI в.³³, и даже в XVI в, в переписке Ивана Грозного и А. Курбского можно найти ее следы.

EMPEROR AND PRINCE: THE BYZANTIAN MODEL OF THE SUPREME POWER AND THE OLD RUSSIAN POLITICAL PRACTICE

This article is devoted to problems of Byzantium-Russian cultural-historical continuity. The object of the scientific analysis is a question of character of perception of the Byzantine political theory in Russia. As an example the author takes one of the major aspects of this theory - an image of the Supreme power. The author has shown complexity and an ambiguity of the Byzantine concept which could not be completely copied in Russia because of features of process of formation of Old Russian statehood. The author comes to conclusion, that the Byzantine concept of the Supreme power has been borrowed in Russia partially, only in that its unit that corresponded to realities of the Russian political life.

T. M. PENSKAYA

Belgorod State University

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Key words: Byzantium, Old Russia, political ideology, Russian-Byzantine cultural-historical links.

²⁹ О сакральности первых Рюриковичей см., например: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 226-227. См. также: Блок М. Феодалное общество. М., 2003. С. 374.

³⁰ Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 150.

³¹ См., например, некрологи, помещенные в Лаврентьевской летописи по случаю смерти князей Всеволода Ярославича и Владимира Всеволодовича Мономаха, а также завещание Ярослава Мудрого своим сыновьям: ПСРЛ. Т. I. Стб. 161, 216, 293-295.

³² См.: Ипатьевская летопись... С. 356. О негативном содержании термина «самовластец» см.: Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского: ранняя русская редакция. М., 1998. С. 455.

³³ Достаточно сравнить приводимые летописцами характеристики князей Мстислава Владимировича, умершего в 1036 г., и тверского князя Михаила Александровича (См.: Ипатьевская летопись // Русские летописи. Т. 11. Рязань, 2001. С. 105; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 469). См. также сцену прощания умирающего князя Дмитрия Ивановича со своими боярами: Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 212, 216.